ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND POLITICAL MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК «ИДЕЯ» СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 321.01 *ГСНТИ 11.15.41*
ББК 66.033.1 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-6-15

А. В. Афонасова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Курган, Россия
AuthorID: 789492

АННОТАЦИЯ: В статье проанализирована перспективность для отечественной политологии двух подходов к изучению «идеи» современного государства. Первый исторически сложился в рамках философской науки и был на определенном этапе развития воспринят политической наукой. Согласно этому подходу «идея государства» есть выражение некоей высшей и вечной сущности власти и общественного порядка. Второй подход отражает устойчивый интерес граждан и элит к тому сущностностному смыслу институтов государства, который можно обозначить понятием «функциональность». Автор статьи критикует распространенное в отечественной политологии отождествление специалистами «функциональности» государства с его «эффективностью», а научных оценок этой «эффективности» – с тем, как в конкретных политических ситуациях роль государства в политике оценивают граждане и элиты. Автор доказывает необходимость учитывать в анализе деятельности государства (особенно в кризисных условиях) то обстоятельство, что массовому сознанию свойственно трактовать «функциональность» государства как его «универсальность». Под ней понимается готовность максимально расширять свои компетенции в решении политических и неполитических проблем, а также область своей правовой и моральной ответственности за эти решения. Автор считает, что такое понимание «идеи государства», ее роли в качестве фактора политического процесса дает политической науке новые возможности в научной экспертизе тех проектов, которые были созданы за минувшие годы, а также в текущем и стратегическом проектировании функциональности российского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, идеология, идея государства, эффективное государство, функциональное государство, универсальное государство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алена Владимировна Афонасова, кандидат политических наук, доцент, Курганский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
640000, Россия, г. Курган, ул. Кирова, 108, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Афонасова А. В. Политическая функциональность как «идея» современного государства // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 6—15.

© А. В. Афонасова, 2019

Одной из самых противоречивых проблем в отечественной науке в постсоветской России является вопрос об идейном обосновании стратегии политических и социально-экономических преобразований. Конституционное закрепление запрета на государственную идеологию было направлено против потенциального возврата к власти сторонников социалистического строя и предполагало, что стратегия разви-

тия страны будет определяться в условиях свободной конкуренции сторонников различных идеологических ценностей в рамках свободных демократических выборов. С тех пор дискуссии по вопросам возможности и целесообразности обоснования государственной идеологии / идеи, формулирующей вектор и принципы развития страны, не утихают [1; 9, с. 11–14; 14, с. 85–95].

Нужна ли современному государству «идея»? Вопрос, как показала дискуссия, остается открытым и потому достоин обсуждения. В последние годы появились исследования, авторы которых предлагают свое видение ответа на этот вопрос [13, с. 154–160; 17, с. 204–214; 20, с. 121–125; 4, с. 103–105]. Ответ, заметим, лежащий в русле традиционного для науки поиска в «идее государства» неких высших и абсолютных научно-философских, научно-правовых и политологических смыслов. И эта направленность работы науки над проблемой «идеи государства» позволяет поставить вопрос о возможности других подходов к решению этой проблемы.

С одной стороны, простая логика подсказывает, что для того, чтобы государство было способно модернизироваться и тем поддерживать свою роль организующего ядра политической системы, «идея» ему необходима. Хотя бы для того чтобы быть инструментом поддержания институтами государства устойчивой коммуникации с другими субъектами политики на тему «куда мы идем». Чтобы на призыв идти вперед вместе эти субъекты реагировали бы адекватно. Для демократической политики солидарность ее субъектов в вопросах стратегии развития государства и общества особенно важна [6, с. 9–11].

С другой стороны, некоторые тенденции в развитии политики и политической науки в современном мире дают основание для сомнений. Начало нового тысячелетия ознаменовалось явлением, суть которого политологи сегодня чаще всего определяют понятием «кризис классических идеологий». Возник он не сегодня, и даже не в последние десятилетия. Кризис по нарастающей развивался после окончания Второй мировой войны и был порожден изменениями в инструментальных свойствах ключевых идеологий (либеральной, консервативной, социалистической). Из проектов модернизации государств и обществ, сформулированных в своей основе еще в XIX столетии, данные идеологии в условиях «холодной войны» превратились в ее инструменты: с одной стороны, экспансии в чужие политические пространства; а, с другой стороны, в инструменты «огораживания» своей общественной и государственной жизни от любых попыток культурного, политического, правового и экономического воздействия извне. Тем самым они превратились в инструмент, недостаточно ориентированный на решение задач модернизации государств и обществ в конкретных исторических условиях, а потому и мало нуждающийся в работе науки над его совершенствованием и интересе к этой работе со стороны граждан и элиты. Маркером этого кризиса идеологической классики в прошедшем столетии, особенно в постколониальном «третьем» мире, стало появление и широкое распространение разнообразных теорий «особого пути» развития современных государств и обществ.

С распадом СССР и окончанием противостояния двух политических и социально-экономических систем заметно вырос уровень ожиданий того, что новая историческая эпоха породит и новую политику, и новый общественный и научный взгляд на нее. Что в политике будут доминировать ясные и позитивные цели и представления о будущем, обоснованные наукой и идеологами, отличные от ожидания ядерного апокалипсиса и поисков способов выживания в нем. А времена эти так и не наступили. Угроза ядерной войны отступила, но позитива в отношении будущего современных обществ и государств заметно не прибавилось. Либеральная политическая мысль в конце XX столетия предложила цивилизованным обществам и государствам в размышлениях о своем настоящем и будущем руководствоваться идеей «конца истории». Как результат – завышенные социальные ожидания возврата к идеологически выверенной политике обернулись столь же радикальным разочарованием в возможностях идеологической классики быть средством оптимизации политического настоящего и проектирования будущего государств и обществ в современном мире.

Существующие развитые демократические государства и общества, как они ни старались в прошлом столетии выдержать в своем функционировании «идеологическую

меру», в новом столетии не стали ни консервативными, ни либеральными, ни социалистическими в прежнем, классическом смысле. Сами они свое нынешнее качество и специфику своих коммуникаций идеологически нейтрально обозначают понятиями «правовое и социальное государство», «общество потребления», а качество своей политики определяют при помощи понятия «защиты общечеловеческих ценностей». В свете нынешнего миграционного кризиса в Европе и США (от которого последние стремятся отгородиться Великой Мексиканской стеной), стало особенно заметно, что и гражданские общества в своем развитии тоже стараются отмежеваться от былых идеологических увлечений. Они отдают предпочтение такой внутренней политике своих государств, для которой главным императивом являются безопасность, стабильность и комфортное потребление различных благ.

Для некоторых исследователей современной политики, особенно либерально ориентированных, это новое отношение ее субъектов к классическим идеологиям стало сигналом: раз современным обществам и элитам не интересна даже идеологически выверенная «идея государства», то, может быть, такая идея не нужна им вовсе? Нет принципиальной необходимости в такой специальной идее потому, что: «в общественной жизни и духовное, и материальное проявляют себя различными сторонами единой сущности, что позволяет определить социальное бытие как воплощенную в материальных и духовных формах идею» [4, с. 103–105].

Потому сторонники данного теоретического подхода оправдывают ситуацию тем, что это даже хорошо, когда государство и общество живут не разными идеологически детерминированными идеями государства и политики, а одной идеей «социального бытия». Особенно, когда живут они в мире, полном «глобальных вызовов». И для ответа на эти вызовы желательна внутриполитическая стабильность, которую способно обеспечить идейное единение государства и общества.

На наш взгляд, несмотря на упомянутые выше обстоятельства, политической науке рано исключать «идею государства» из ряда актуальных предметов своего внимания. По той причине, во-первых, что в современном мире еще далеко не изжил себя идеологический ее формат. В Китае, например, «идея государства» со времени Сунь Ят Сена поменяла свою идеологическую направленность с националистической на коммунистическую. Но сам по себе идеологический формат ее устойчив и благодаря этому «идея государства» для граждан и элиты этой страны продолжает быть ключевым элементом в системе мотиваций внутренней и внешней политики [12]. И пока нет весомых оснований говорить, что для нынешнего этапа модернизации этой страны такая привязка политики к идеологической «идее государства» бесполезна или пагубна. Китай сегодня демонстрирует очевидные успехи в осуществлении политики модернизации. Также идея собственного суверенного национального государства сегодня, заметим, играет важную системообразующую роль в официальных идеологиях и практической политике во многих частях постсоветского пространства [2].

Падение востребованности идеологического формата «идеи государства» политической практикой – это падение востребованности именно данного формата. Того, который был связан с надеждами элит и обществ в более или менее отдаленном будущем сделать свою жизнь такой, какой она им видится в идеале. А потому в последние два столетия эта идеологизированная версия «идеи государства» фигурировала на переднем плане массовых политических коммуникаций и нередко была их доминирующей мотивацией. Это не означает падения востребованности политической практикой «идеи государства» другого, тоже исторически сложившегося в Новое время по ходу конкуренции национально-государственной и имперской форм организации политической власти, и даже более фундаментального, нежели идеологический, формата. Такого, в котором *смысл активного участия государственных институтов в политике определяют требования граждан и элит к политической, правовой и экономической функциональности этих институтов. Причем, не когда-то в будущем, а здесь и сейчас.* К этому неидеологическому формату «идеи государства» политической науке имеет, на наш взгляд, смысл проявить больше внимания, чем она проявляла до сих пор.

Идеологически отформатированная «идея государства» актуальна, в первую очередь, для сферы публичных политических коммуникаций. Однако возникает вопрос: что управляет такими коммуникациями на непубличном их уровне? Там, где только еще формируются повестка коммуникации и определяются исходные позиции ее участников, партнеров и противников. Там, где зарождается в сознании участников политического процесса представление о принципиальных смысле, ценностных ориентирах и стиле (лояльном или не лояльном) их участия, на основании которых они, затем, определяются со своей конкретной стратегией и тактикой политического поведения.

На этом первичном уровне факт присутствия институтов государства в ряду акторов политики тоже должен быть как-то отрефлексирован сознанием граждан и элит. И состояние такой рефлексии будет более значимым для практической политики, чем научные представления о государстве. Прежде чем на очередном этапе политического процесса воспроизвести публичную и государственную политику путем своего участия в ней, гражданам и элите нужно осознать конструктивный смысл всего этого, сверить свои нынешние ожидания со своим прежним опытом коммуникации с институтами власти. В этом опыте, в сущности, а не в научных текстах, участники политического процесса находят для себя ответы на вопрос о том, для чего и как им надо или не надо коммуницировать с государством. И уже на этом первичном уровне определения смысла участия или неучастия в политике сознание людей приводит упомянутые ответы в более или менее стройную систему представлений: о политике вообще и о месте институтов государства в ней в частности.

На этом уровне зарождения интереса субъектов политики к коммуникации *«идею государства» формирует тот принципиальный смысл, который граждане и элиты находят в признании или непризнании первенства государства в политике, в согласии или несогласии сотрудничать с его институтами, стремлении быть или не быть лояльными его, государства, политическим интересам и ценностям.* Смысл, который, собственно, побуждает одних людей чувствовать себя и быть гражданами, других же –отождествлять себя с политической и административной властью и ее интересами, а третьих – не отождествлять себя ни с тем, ни с другим, быть «гражданами мира».

Этот первичный и практический смысл, которым общество руководствуется во взаимоотношениях со своим государством, как его «идеей», определяют не сами по себе идеологии и, тем более, не научные теории. В конечном счете, выбор граждан и элиты в пользу приверженности тем или иным идеологиям и научным теориям тоже должен быть чем-то мотивирован. Его определяет то, каким образом граждане и элита понимают и оценивают *«функциональность государства»*. Иначе говоря, то, как работает весь механизм государственного управления жизнью гражданского общества и властвующей элиты, какие и как государство выполняет функции.

Понимают и оценивают они эту «функциональность» специфически, а именно – политически. В зависимости от того, как складываются их коммуникации во власти и с властью, какими, вследствие этого, возможностями получения достоверной информации о затратах ресурсов на политику и о полученных ею «прибылях» они располагают.

Последнее обстоятельство не всегда учитывают авторы тех исследований современной политики, российской например, которые увязывают проблему «функциональности» государства и ее оценки массовым сознанием граждан нашей страны с «реальной эффективностью» государственного административного и политического менеджмента [5, с. 117–128; 15, с. 28–35; 8, с. 187–192]. «Эффективное государство», «эффективная элита», «эффективный государственный менеджмент» – все это понятия, которые, с точки зрения сторонников такого взгляда на «функциональность», обозначают критерии, на основании которых об упомянутой «функциональности» может судить и политик, и рядовой гражданин, и ученый.

Вопрос о применимости экономических категорий для изучения политических практик, а также о понимании смысла этих категорий буквально, а не метафорически, мы специально рассматривать не будем. Это предмет для отдельного обсуждения. Проблема в другом. Для специалиста соот-

ветствующего профиля, имеющего доступ к более или менее полной и достоверной информации о затратах различных общественных ресурсов на этот менеджмент, с одной стороны, а, с другой стороны, о практических выгодах, полученных от него самим государством и массой его граждан, судить о такой «эффективности государства» тоже не всегда бывает просто. Иначе попытки оценить «функциональность» российского государства с позиции его «эффективности» не рождали бы научные дискуссии по этому поводу [3, с. 19–22].

Тем не менее, потенциально у специалиста есть такая возможность судить о «функциональности» государства на основании достаточного массива достоверной информации о «расходе» и «приходе» государственной политики и государственного менеджмента, и использовать такую информацию для оценки «реальной эффективности» государства. Трудно ожидать, что с такой научной оценкой согласится, а, тем более, такую же оценку деятельности государства с позиции «эффективности» выработает абсолютная масса рядовых граждан, а также значительная часть элиты. Они чаще всего в своем политическом выборе и участии руководствуются скупыми (с точки зрения их полноты и достоверности) знаниями о состоянии своего государства. Теми, которые сами государственные институты сочтут необходимым и возможным предать огласке.

Сознание специалиста способно выделить, критически осмыслить и оценить нужную информацию из различных источников. Сознание людей, далеких от науки, к такой сепарации политической и экономической информации мало приспособлено. Они воспринимают информацию о состоянии государства, которую им предоставляют СМИ и сетевые коммуникации. И они вынуждены доверять именно этой информации, поскольку о существовании другой они чаще всего не знают. То, как сегодня специалисты характеризуют состояние информационной сферы в разных странах, включая Россию, и оценивают обеспеченность граждан и государственных структур проверенной информацией, заставляет усомниться в возможностях даже властной элиты достоверно судить о состоянии своего государства по «эффективности» [18, с. 704–707].

Дело не только в недостающих объемах достоверной информации. Независимо от успехов современной науки в доказательстве того, что государство «функционально», если оно «эффективно», граждане и элиты используют для оценки «функциональности» своего государства совсем другой критерий. В пользу его существования косвенно свидетельствует, например, тот факт, что государство в США не имеет как институт претензий со стороны собственных граждан, хотя его «эффективность» в свете постоянно растущего госдолга вызывает у специалистов большие вопросы. Другие же, тоже «неэффективные», живущие, как многие постсоветские государства, за счет своих природных ресурсов и иностранных кредитов, с такими претензиями сталкиваются постоянно. Эти претензии порой выливаются в открытые гражданские конфликты («цветные» революции).

На наш взгляд, этот критерий можно определить понятием *«универсальность государства».* Максимально уверенно оценить «функциональность» отдельных институтов государства, и всех их вместе, и гражданину и представителю элиты легче не по выгодам и убыткам, к которым привела активность этих институтов. Тем более, что в политике обычно то, что один субъект считает убытком, другой – реализацией своих жизненно важных интересов. *Ориентиром для суждения о «функциональности» государства, которое становится для массового сознания его «идеей» и руководством к коммуникации с ним, являются публично декларируемые институтами государства намерения решить как можно больше разнообразных политических и неполитических задач. А также декларируемая ими готовность взять на себя как можно более разнообразную правовую и моральную ответственность за свои решения.*

По причине ориентации массового сознания на этот критерий в истории современных обществ мы видим постоянные конфликты с институтами государства. В результате этих конфликтов государства менялись по сути и по форме, становились все менее авторитарными и все более демократичными. Соответственно, затраты государственными институтами материальных и нематериальных общественных ресурсов на решение сходных социально зна-

чимых задач росли, а «эффективность» этих институтов падала. Это, традиционно, первая и основная претензия к демократической государственности, которую обычно высказывают ее критики. Но вопреки логике отождествления «функциональности» государства с его «эффективностью», симпатии граждан и элиты исторически склонились именно в пользу демократической государственности как современного цивилизационного «стандарта». И даже так называемые «традиционные» общества в современном мире в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, для которых «неэффективность» демократической государственности, особенно в ее «западных» стандартах, совершенно очевидна (они не могут обеспечить ее функционирование ни человеческими, ни материальными ресурсами), вопреки выше упомянутой логике стремятся сделать свои государства более «функциональными» за счет создания демократических институтов.

В данном случае ими, как и большинством современных гражданских обществ и элит, руководит иная логика. Демократия в сравнении с авторитаризмом – это всегда расширение готовности государства решать неопределенно широкий круг задач. Там, где легитимность авторитарной власти связана с божественной волей, круг задач этой власти определен соответствующей религиозной доктриной. Легитимность же демократической власти определяется ее готовностью взять на себя инициативу и ответственность в решении того неопределенного круга задач, который формируют «интересы общественного развития».

Закономерно, что движение современной государственности от авторитаризма к демократии привело к тому, что «идею государства» в современном мире стали обозначать понятием «социальное государство». Оно закреплено в конституциях многих стран, включая Российскую Федерацию. Но не в том значении, которое изначально этому понятию сообщил в середине XIX столетия создатель концепции «социального государства» немецкий либеральный философ Л. фон Штейн [16, с. 201–214; 10, с. 2–6; 11, с. 30–35]. А в том значении, которое сегодня особенно интересно массовому сознанию современных обществ, использующих это понятие в качестве критерия оценки своего собственного состояния, а также «универсальности», а, значит, и функциональности» своего государства [19, с. 106–118]. Сегодня «социальное государство» – это государство, которое в каждый момент своего функционирования проявляет готовность взяться за решение любой значимой для него и общества задачи. От защиты популяций редких животных до защиты национальных интересов, от решения проблем «социально незащищенных слоев населения» и эмигрантов вплоть до конструирования самого общества по тем или иным «стандартам гражданственности».

Что из взятых государством на себя обязательств воплощается в жизнь – это для сознания граждан и элит важный, но не решающий аргумент в пользу признания или непризнания государства функциональным. Государство в данном случае выглядит функциональным в меру своей готовности быть лидирующим субъектом политического процесса и тем зримо гарантировать обществу, что никакие новые проблемы развития его и общества не останутся без внимания и соответствующих управленческих решений. По этой причине, на наш взгляд, нынешний кризис классических идеологий, проводниками которых более двух веков были наиболее развитые государства современного мира, не обернулся для них масштабным недоверием со стороны гражданских обществ. Обрушилась, образно говоря, фасадная часть «идеи государства», которую образовывали соответствующие идеологии. Осталось то внутреннее содержание этой «идеи», тот смысл активного присутствия государства в политике, который позволяет предполагать еще долгую перспективу существования и развития разных форм организации государственных политики и администрирования.

Политическая наука, связав между собой общественные и элитарные представления о «функциональности», «универсальности» и «социальности» государства, получает возможность работать с «идеей государства» уже не как с философской абстракцией, а видеть в ней конкретный фактор политического процесса. Причем, фактор этот политическая наука получает возможность изучать в двух ракурсах. С одной стороны, как мотивацию участия субъектов современной политики, российской в первую очередь. С другой стороны, как моти-

вацию, побуждающую современных теоретиков насыщать пространство современной политики разнообразными проектами повышения «функциональности» современных государств. Для политической науки понимание рациональной природы общественного и элитарного интереса к «функциональному» государству как государству «универсальному» – это еще и основание для конструктивной критики таких проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России [Электронный ресурс] // Право и безопасность. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (дата обращения: 24.10 2018).

2. Бондарь Ю. Идеология и государство [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (дата обращения: 20.03.2019).

3. Бутусова Н. В. Административная реформа в России – путь к эффективному государству? // Административное право и процесс. 2005. №1. С. 19–22.

4. Буханцов В. В., Комарова М. В. Государство как идея и ее осуществление [Электронный ресурс] // Система ценностей современного общества. 2009. № 6. С. 103–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (дата обращения: 10.04.2019).

5. Евстифеев Р. В. Российский путь к эффективному государству // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. №4. С. 117–128.

6. Ершов Ю. Г. Государство без идеи – просто населенная территория (о национально-цивилизационной идентичности) // Дискурс-Пи. 2005. № 1 (5). С. 9–11.

7. Замотаев Д. Ю. Политическая активность российской интернет-аудитории на региональном уровне в качестве составной части гражданского общества // Право и политика. 2015. № 5. С. 704–707.

8. Захаров В. М., Германова О. В. К государству эффективному, открытому, полезному // Современное региональное управление: тенденции и приоритеты развития : сб. науч. ст. междунар. науч. конференции в рамках XVII межрегион. универсальной оптово-розничной Курской Коренской ярмарки – 2017 / Под ред. В. В. Зотова. Курск, 2018. С. 187–192.

9. Касьянов В. В. Государственная идеология современной России // Общество, философия, история, культура. 2011. № 3-4. С. 11–14.

10. Лукшин О. В. Социальное государство: понятие, развитие и реализация идеи // Право: современные тенденции : материалы VI Междунар. научной конференции. 2018. С. 2–6.

11. Мысливченко А. Г. Социальное государство в контексте идей конвергенции и «третьего пути» // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 30–35.

12. Национальная идея Китая [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина. Центр научной политической мысли и идеологии. 25 марта 2013 года. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (дата обращения: 28.03.2019).

13. Нуссбергер А. «Сильное государство» как основополагающая идея российского конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 154–160.

14. Окара А. Н. Реприватизация будущего. «Суверенная демократия»: от поисков «новой русской идеи» у «миссии» корпорации ЗАО «Россия» // Полития. 2007. № 1(44). С. 85–95.

15. Петров О. В. Стратегия электронного правительства в России: на пути к эффективному государству, ориентированному на граждан // Информационное общество. 2007. № 1–2. С. 28–35.

16. Пирожок С. С. Идея социального государства как основа модернизации политико-правовой системы современного государства // Модернизация в России: история, политика, образование : материалы Всерос. науч. конференции с междунар. участием. СПб., 2014. С. 210–214.

17. Подвинцев О. Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 204–214.

18. Шаповал Ж. А. Информированность граждан о возможностях участия в управлении регионом // Экономика и социум. 2014. №3–3(12). С. 582–588.

19. Щегорцов В. А. Социально ориентированное государство как выражение национальной идеи российского общества //

Научный вестник МГИИТ. 2018. № 2 (52). С. 106–118.

20. Ямбушев Ф. Ш. Миф, идея, государство // Социально-экономические и правовые проблемы регионов в условиях интеграции : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / Под ред. А. В. Захряпина. 2012. С. 121–125.

POLITICAL FUNCTIONALITY AS THE «IDEA» OF THE MODERN STATE

A. V. Afonasova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Kurgan, Russia

ABSTRACT: The article analyzes the prospects for the domestic political science of two approaches to the study of the "idea" of the modern state. The first one was formed historically within the framework of philosophical science and was at a certain stage of development perceived by political science. According to this approach, the "idea of the state" is an expression of some higher and eternal essence of power and social order. The second approach reflects the sustained interest of citizens and elites in the essential meaning of state institutions, which can be defined by the concept of "functionality".
The author of the article criticizes the identification of the "functionality" of the state with its "efficiency" by the experts of the national political science, and the scientific evaluation of this "efficiency" with the way the citizens and elites evaluate the role of the state in politics in specific political situations. The author proves the importance of taking into account in the analysis of the state activity (especially in crisis conditions), the fact that the mass consciousness tends to interpret the "functionality" of the state as its "universality". It refers to the willingness to maximize their competence in dealing with political and non-political problems, as well as the area of their legal and moral responsibility for these decisions.
The author believes that this understanding of the "idea of the state", its role as a factor in the political process, gives political science new opportunities in the scientific examination of those projects that were created over the past years, as well as in the current and strategic design of the functionality of the Russian state.

KEYWORDS: state, ideology, idea of state, effective state, functional state, universal state.

AUTHORS' INFORMATION: Alena V. Afonasova, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Kurgan branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
108/85, Kirova st., Kurgan, 640000, Russia, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

FOR CITATION: Afonasova A. V. Political functionality as the «idea» of the modern state // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 6—15.

REFERENCES

1. Bogatyrev K. A. Constitutional foundations of state ideology and national idea of Russia [electronic resource] // Law and security. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (date of reference: 24.10 2018). [Bogatyrev K. A. Konstitutsionnye osnovy gosudarstvennoy ideologii i natsional'noy idei Rossii [Elektronnyy resurs] // Pravo i bezopasnost'. 2010. № 2(35). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (data obrashcheniya: 24.10 2018).] – (In Rus.).

2. Bondar Yu. Ideology and the state [electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (date of referemce: 20.03.2019). [Bondar' Yu. Ideologiya i gosudarstvo [Elektronnyy resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-gosudarstvo (data obrashcheniya: 20.03.2019)] – (In Rus.).

3. Butusova N. V. Administrative reform in Russia – the way to an effective state? // Administrative law and procedure. 2005. № 1. P. 19-22. [Butusova N. V. Administrativnaya reforma v Rossii – put' k effektivnomu

gosudarstvu? // Administrativnoe pravo i protsess. 2005. №1. S. 19–22.] – (In Rus.).

4. Bukhantsov V. V., Komarova M. V. State as an idea and its implementation [electronic resource] // System of values of modern society. 2009. № 6. P. 103-105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (date of reference: 10.04.2019) [Bukhantsov V. V., Komarova M. V. Gosudarstvo kak ideya i ee osushchestvlenie [Elektronnyy resurs] // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. 2009. № 6. S. 103–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-v-sisteme-natsionalnoy-ideologii (data obrashcheniya: 10.04.2019).] – (In Rus.).

5. Evstifeyev R. V. The Russian way to an effective state // Political expertise: POLITEKS. 2008. V. 4. № 4. P. 117-128 [Evstifeev R. V. Rossiyskiy put' k effektivnomu gosudarstvu // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2008. T. 4. №4. S. 117–128.] – (In Rus.).

6. Ershov Yu. G. State without an idea is just a populated area (about national-civilizational identity) // Discourse-Pi. 2005. № 1 (5). P. 9-11 [Ershov Yu. G. Gosudarstvo bez idei- prosto naselennaya territoriya (o natsional'no-tsivilizatsionnoy identichnosti) // Diskurs-Pi. 2005. № 1 (5). S. 9–11.] – (In Rus.).

7. Zamotayev D. Yu. Political activity of the Russian internet audience at the regional level as an integral part of civil society // Law and policy. 2015. № 5. P. 704-707 [Zamotaev D. Yu. Politicheskaya aktivnost' rossiyskoy internet-auditorii na regional'nom urovne v kachestve sostavnoy chasti grazhdanskogo obshchestva // Pravo i politika. 2015. № 5. S. 704–707.] – (In Rus.).

8. Zakharov V. M., Germanova O. V. To the effective, open and useful state / Modern regional management: trends and development priorities. Collection of scientific articles of the international scientific conference within the framework of the XVII interregional universal wholesale and retail Kursk Korensk fair – 2017. Under the general editorship of V. V. Zotov. 2018. P. 187-192 [Zakharov V. M., Germanova O. V. K gosudarstvu effektivnomu, otkrytomu, poleznomu / Sovremennoe regional'noe upravlenie: tendentsii i prioritety razvitiya Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v ramkakh KhVII mezhregional'noy universal'noy optovo-roznichnoy Kurskoy Korenskoy yarmarki – 2017. Pod obshchey redaktsiey V. V. Zotova. 2018. S. 187–192.] – (In Rus.).

9. Kasyanov V. V. State ideology of modern Russia // Society, philosophy, history, culture. 2011. № 3-4. P. 11-14 [Kas'yanov V. V. Gosudarstvennaya ideologiya sovremennoy Rossii // Obshchestvo, filosofiya, istoriya, kul'tura. 2011. № 3-4. S. 11–14.] – (In Rus.).

10. Lukshin O. V. Social state: concept, development and realization of the idea // Law: modern trends. Proceedings of VI International scientific conference. 2018. P. 2-6 [Lukshin O. V. Sotsial'noe gosudarstvo: ponyatie, razvitie i realizatsiya idei // Pravo: sovremennye tendentsii materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 2018. S. 2–6.] – (In Rus.).

11. Myslivchenko A. G. Social state within the context of the ideas of convergence and "third way" // Law and state: theory and practice. 2018. № 8 (164). P. 30-35 [Myslivchenko A. G. Sotsial'noe gosudarstvo v kontekste idey konvergentsii i «tret'ego puti» // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 8 (164). S. 30–35.] – (In Rus.).

12. National idea of China [electronic resource] // Sulakshin Center. Center of scientific political thought and ideology. March 25, 2013. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (date of reference: 28.03.2019) [Natsional'naya ideya Kitaya [Elektronnyy resurs] // Tsentr Sulakshina. Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii. 25 marta 2013 goda. URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/812/ (data obrashcheniya: 28.03.2019).]. – (In Rus.)

13. Nussberger A. "Strong state" as a fundamental idea of the Russian constitutional justice // Comparative constitutional review. 2006. № 1 (54). P. 154-160 [Nussberger A. «Sil'noe gosudarstvo» kak osnovopolagayushchaya ideya rossiyskogo konstitutsionnogo pravosudiya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2006. № 1 (54). S. 154–160.] – (In Rus.).

14. Okara A. N. Reprivatization of the future. “Sovereign democracy”: from the search for a «new Russian idea» in the «mission» of the corporation, private limited company «Russia» // Politiya. 2007. № 1(44). P. 85-95 [Okara A.N. Reprivatizatsiya budushchego. «Suverennaya demokratiya»: ot poiskov «novoy russkoy idei» u «missii» korporatsii ZAO «Rossiya» // Politiya. 2007. № 1(44). S. 85–95.] – (In Rus.).

15. Petrov O. V. Strategy of e-government in Russia: on the way to an effective state focused on citizens // Information society. 2007. № 1-2. P. 28-35 [Petrov O. V. Strategiya elektronnogo pravitel'stva v Rossii: na puti k effektivnomu gosudarstvu, orientirovannomu na grazhdan // Informatsionnoe obshchestvo. 2007. № 1–2. S. 28–35.] – (In Rus.).

16. Pirozhok S. S. Idea of a social state as the basis of modernization of the political and legal system of the modern state // Modernization in Russia: history, politics, education. Proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation. 2014. P. 210-214 [Pirozhok S. S. Ideya sotsial'nogo gosudarstva kak osnova modernizatsii politiko-pravovoy sistemy sovremennogo gosudarstva // Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 2014. S. 210–214.] – (In Rus.).

17. Podvintsev O. B. Idea of "failed states" in the Russian post-imperial context // Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2007. № 7. P. 204-214 [Podvintsev O. B. Ideya «nesostoyavshikhsya gosudarstv» v rossiyskom postimperskom kontekste // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2007. № 7. S. 204–214.] – (In Rus.).

18. Shapoval Zh. A. Awareness of citizens about possibilities of participation in the management of the region // Economy and society. 2014. № 3-3(12). P. 582-588 [Shapoval Zh. A. Informirovannost' grazhdan o vozmozhnostyakh uchastiya v upravlenii regionom // Ekonomika i sotsium. 2014. №3–3(12). S. 582–588.] – (In Rus.).

19. Shchegortsov V. A. Socially oriented state as an expression of the national idea of the Russian society // Scientific Bulletin of the MGIIT. 2018. № 2 (52). P. 106-118 [Shchegortsov V. A. Sotsial'no orientirovannoe gosudarstvo kak vyrazhenie natsional'noy idei rossiyskogo obshchestva // Nauchnyy vestnik MGIIT. 2018. № 2 (52). S. 106–118.] – (In Rus.).

20. Yambushev F. Sh. Myth, idea, state // Socio-economic and legal problems of regions in the context of integration. Proceedings of the International scientific and practical conference: Edited by A. V. Zakhryapin. 2012. P. 121-125 [Yambushev F. Sh. Mif, ideya, gosudarstvo // Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy regionov v usloviyakh integratsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; Pod redaktsiey A. V. Zakhryapina. 2012. S. 121–125.] – (In Rus.).